

М.В. Строганов

Два фельетониста: Салтыков и Слепцов¹

В статье речь идет о непростых взаимоотношениях М.Е. Салтыкова-Щедрина и В.А. Слепцова. Салтыков, как представитель 1840-х гг., был человеком слова, а Слепцов, как родившийся в 1860-х гг., — человеком дела. Уверовав в определенную доктрину, Слепцов хотел реализовать ее в жизни. Салтыков же допускал социальные перемены только на почве эволюции общественного сознания. «Отцы», как люди слова, были радикальны в сочинениях. «Дети» требовали соответствия социальной практики идейным убеждениям.

Ключевые слова: М.Е. Салтыков-Щедрин; В.А. Слепцов; литературное поколение; социальная практика; литературный журнал.

Часть 1

Личные отношения В.А. Слепцова с писателями предшествующего поколения, особенно с лидерами «Отечественных записок» Некрасовым и Салтыковым, рассматриваются с учетом свидетельств заинтересованных современников, в частности, показаний Л.Ф. Нелидовой, «знавшей Слепцова в последние три года его жизни, о том, что, вопреки распространенному мнению, он не был одинок, сохранил до конца дней дружеские отношения с Некрасовым и с другими сотрудниками “Отечественных записок”, в частности, с Салтыковым-Щедриним. В самом деле, в письмах к Нелидовой и к матери из Петербурга в 1875–1876 гг. Слепцов называет Некрасова в числе своих “лучших друзей”, сообщает о встречах с ним. К Некрасову и Салтыкову-Щедрину “обращается он в тяжелые дни болезни за помощью, на что они немедленно откликаются”» [10: с. 488]. И там же: «...до последнего года жизни Некрасова, Василий Алексеевич поддерживал с ним постоянные дружеские сношения; то же можно сказать и по отношению к покойному А.Ф. Головачеву, Щедрину и вообще редакции “Отечественных записок”» [10: с. 488]. Но что иное мог сообщить Слепцов для успокоения своей матери, если не назвать «в числе своих “лучших друзей”» известных литераторов? При этом следует учесть, что Некрасов имел в глазах Слепцова авторитет, что обуславливалось разницей в возрасте (15 лет) и статусом редактора журнала. Салтыков же, невзирая на разрыв в 10 лет, был писателем, чей авторитет в первой половине 1860-х гг., когда начиналась литературная

¹ Исследование выполнено по гранту РГНФ, проект «М.Е. Салтыков-Щедрин и его современники» (№ 15-04-00389а).

карьера Слепцова, только формировался. К Некрасову Слепцов неравнодушен. Салтыков для Слепцова, скорее, безразличен.

В историко-культурном отношении Салтыков и Слепцов принадлежат к разным поколениям. Однако указания на близость Слепцова к Некрасову и Салтыкову справедливы, поскольку именно к ним «обращался он в тяжелые дни болезни за помощью», и на самом деле «они немедленно откликнулись». Известна записка Некрасова к Слепцову, которую мы датируем 19–25 апреля 1877 г. (а не концом 1876-го — 19 мая 1877 г., как делают комментаторы, не соотнося его с письмами Салтыкова [2: т. 15 (2), с. 261]): «Милый Слепцов. Я очнулся в эту минуту, 19-е. Но давно мне худо и не выхожу. Некр<асов>. Просил Салтыкова Вам написать» [2: т. 15 (2), с. 150]. Письмо Слепцова к Некрасову неизвестно, поэтому записка Некрасова была, видимо, ответом на визит Слепцова, которого больной Некрасов не смог принять. Это же объясняет, почему Салтыков, которому Некрасов перепоручил общение, не знал вопроса, по которому обращался Слепцов. И Салтыков запрашивает Слепцова о цели его визита, тот отвечает; оба письма не сохранились, но ясно, что это общение не было личным. И тогда 26 апреля 1877 г. Салтыков пишет два письма. В письме к председателю комитета Общества для пособия нуждающимся литераторам Г.К. Репинскому Салтыков сообщал о просьбе Слепцова «по случаю трудной болезни» в пособии 300 рублей, поддерживал ее и просил срочно выплатить ему 100 рублей [4: т. 19-1, с. 56–57]. А самому Слепцову Салтыков сообщал, что передал его просьбу Г.К. Репинскому и что не сомневается, что комитет Литературного фонда удовлетворит ее [4: т. 19-1, с. 57–58]. Комитет 5 мая 1877 г. заслушал «заявление М.Е. Салтыкова о болезненном состоянии и бедственном положении В.А. Слепцова» и постановил «утвердить произведенную председателем выдачу и выдать Слепцову в пособие еще 200 руб.» (цит. по: [4: т. 19-1, с. 57]). Делать выводы о близости Слепцова к Салтыкову и Некрасову на основании этих писем нельзя, поскольку помощь нуждающемуся литератору была обязанностью членов Литературного фонда, а Некрасов и Салтыков были обязательными его участниками. На основании этой переписки можно говорить только о том, что оба руководителя «Отечественных записок» покровительствовали своим бывшим сотрудникам и постоянно оказывали им помощь. Наша задача состоит в том, чтобы понять отношения Салтыкова и Слепцова.

В «Пошехонских рассказах» (вечер первый «По Сеньке и шапка», 1883) Салтыков писал: «Нынче с самого малого возраста уж всем наукам учат. Клоп, от земли не видать, — а его с утра до вечера пичкают. В науке тоже, чай, всякие слова бывают; иное надо бы и пропустить, а у нас не разбирают: все слова сподряд учи! Точно в Ростове каплунам насильно в зоб кашу пальцем проталкивают. Ну, мальчонко долбит-долбит, да и закричит: “Не верю!”» [4: т. 15-2, с. 23]. Комментатор считал, что «здесь отражен случай со Слепцовым в той версии, которая была распространена среди современников и которую Салтыков, конечно, знал по службе в Пензе» [9: с. 309], и ссылаясь на рассказ К.И. Чуковского о том,

что, учась в дворянском институте в Пензе, Слепцов в 1853 г. во время праздничной службы, когда пели «Верую во единого Бога», взошел на амвон и сказал: «А я не верую!» [16: с. 6].

К.И. Чуковский вольно пересказывает сцены из романа Л.Ф. Нелидовой «На малой земле», где Слепцов изображен под именем Свиридова. Нелидова в последние годы жизни Слепцова была его гражданской женой, поэтому ее сведения расцениваются как исторический источник. Роман не опубликован, но известен пересказ, подготовленный Л.А. Евстигнеевой. В пятнадцать лет Свиридов в поисках смысла жизни обратился к религии, но по причине юношеского максимализма религиозность дошла до фанатизма: носил вериги, длительно постился, прислуживал в церкви. Однажды во время обедни в один из больших праздников «Свиридов вместе с другими двумя мальчиками, увлеченными его примером, прислуживал, по обыкновению, в алтаре. <...> Публики по случаю праздника собралось более обыкновенного, и половина обедни успела уже отойти, как вдруг как раз в ту минуту, когда с первыми словами “Верую” священник отдернул церковную завесу над царскими воротами, с левого клироса вышел бледный более обыкновенного Свиридов, сделал несколько шагов по амвону, отворил снаружи царские ворота и вошел в алтарь». От такого святотатства все замерли, но из алтаря послышался стон, и вскоре оттуда вынесли Свиридова без памяти. Когда директор потребовал объяснить проступок, Свиридов сказал: «Я хотел испытать, что будет. <...> Я ведь, входя, сказал: *не верую!* Я хотел видеть, допустит ли это и накажет ли меня за это Бог. Если Он есть, Он ведь непременно должен был наказать меня, потому что тогда я сделал грех и, пожалуй, даже большой грех. Но вот я, видите ли!.. я сомневаюсь... Я ведь давно сомневаюсь, вот в чем дело» [10: с. 503, 504]. Историки литературы считали этот поступок проявлением атеизма, хотя это был смелый до отчаянности жест самоутверждения молодого человека, типичного «мальчика», каких изображал Достоевский: для поколения Слепцова оборотной стороной атеизма была религиозность [12: с. 33–34].

Салтыков узнал эту историю не в 1864–1866 гг., когда служил в Пензе, а либо после смерти Слепцова от Нелидовой, либо в период личного общения с ним, что более вероятно. Отголосок этой истории мы находим в романе Слепцова «Трудное время», в эпизоде, который был изменен по требованию цензуры, поэтому непременно обсуждался в редакции «Современника» в 1865 г., когда роман печатался в журнале. Здесь Марья Николаевна Щетинина говорит Рязанову:

— Я вспомнила, как меня в детстве пугали Господом Богом: мне тогда говорили, что и на него тоже нельзя смотреть.

— И вы верили?

— Нет; я и тогда не верила. Мне все это как-то смешно было. У моей няньки иконка была: Бог Отец, сидящий на воздухе; только воздух был так гадко нарисован, точно будто Саваоф сидит на яйцах. Нянька меня, бывало, пугает Им, а я ничего не боюсь. Как посмотрю на Него, так и засмеюсь.

— А теперь-то вы не боитесь Его?

— Конечно, не боюсь.

— Да так ли это? Подумайте-ка хорошенько! Может быть, это вы только так храбритесь.

— Какой вздор! Не только [Его], я и вас даже не боюсь [5: т. 2. С. 119].

Мария Николаевна рассказывает женский вариант той же самой истории, но комментаторы не заметили этого.

Стремлением совершить из ряда вон выходящий поступок вызвано и создание Слепцовым коммуны под влиянием романа «Что делать?» Н.Г. Чернышевского. Слепцов якобы хотел практически решить «женский вопрос» и для этого 1 сентября 1863 г. в Петербурге снял квартиру, где каждый жилец (он сам и его знакомые-единомышленники) имел отдельную комнату, а одна комната была общей. Члены коммуны для ведения хозяйства наняли общую прислугу, но никто из живших в коммуне женщин не хотел заведовать общим хозяйством, и Слепцов делал это сам. Знаменская коммуна была первым в России примером совместного проживания под одной крышей мужчин и женщин, не связанных родством или браком. Жители коммуны, не приученные к такому общежитию и имевшие разные привычки, раздражались и конфликтовали, возникли слухи о неупорядоченных сексуальных связях между ними, что вызвало внимание полиции. В июне 1864 г. коммуна распалась.

Салтыков неоднократно посещал коммуны [11: с. 64], участвовал в литературных вечерах Слепцова [10: с. 458]. Но отношение его к коммунам не отвечало той модели восторженного приветствия социально-демократических исканий, которое было связано с образом революционера-демократа, поэтому исследователи обходили его молчанием. Фет вспоминал, как однажды Салтыков «стал бойко расхваливать Тургеневу успех недавно возникших фаланстеров, где мужчины и женщины в свободном сожительстве приносят результаты трудов своих в общий склад, причем каждый и каждая имеют право, входя в комнату другого, читать его книги, письма и брать его вещи и деньги.

— Ну, а какая же участь ожидает детей? — спросил Тургенев своим кисло-сладким фальцетом.

— Детей не полагается, — отвечал Щедрин.

— Тем не менее они будут, — уныло возразил Тургенев.

Когда по уходе гостя я спросил: «Как же это не полагается детей?», — Тургенев таким тоном сказал: «Это уж очень хитро», — что заставлял вместо хитро понимать нелепо» [6: с. 367–368; о тезисе «детей не полагается» см.: 11: с. 167–170].

Г.З. Елисеев поддержал мнение журнала «Русская мысль», «что сплетня сочинена самим Фетом» в ответ на критику Салтыковым записок Фета о вольнонаемном труде, и показал истинное мнение Салтыкова о фаланстерах Фурье. Более того, Г.З. Елисеев «затруднялся допустить, что Салтыков, сам бывавший, вероятно, не один раз в устроенной Слепцовым квартире и хорошо знавший

всех живущих в ней лиц, мог в простом совместном жительстве людей, собранных вместе единственно из расчетов хозяйственных и не связанных между собой никакими уставами, никакими особенными законами и правилами для жизни, мог видеть в этом общежитии нечто похожее на фаланстеры Фурье» [7: с. 488–491]. Но в «свободном сожительстве» Фет видит только свободное совместное проживание, а не свальный грех. Его возмущает нарушение права собственности, которое он защищал и в записках о вольнонаемном труде. Фет либо не услышал, либо сознательно искажил скрытую иронию Салтыкова, хотя не исключено, что Салтыков мог и сам подразнить Фета.

Этот пример очевидно показывает различие между позициями Слепцова и Салтыкова. Салтыков, как человек сороковых годов, был человеком слова, а Слепцов, как человек шестидесятых годов, — человеком дела. Это поколенческое различие четко обозначил В.В. Розанов [15: с. 121–122]. Слепцову мало уверовать в ту или иную доктрину, он должен тут же реализовать ее в конкретном деле. Прочитал «Что делать?» — и сделал, как там написано. Засомневался в своей вере — и сообщил об этом. Салтыков же, переживший кризис социальной активности конца 1840-х — начала 1850-х гг., не верил, что жизнь можно изменить внешним вмешательством, и считал, что социальные перемены возможны только на почве нового общественного сознания. Кроме того, он видел, что социалистические идеи равенства ведут к уравниловке, которая родственна тоталитаризму и монархизму, поэтому считал знаменскую коммуну в лучшем случае ошибкой, в худшем — игрой взрослых людей. Но прямо свою позицию он не выражал, как не выражал и свое отношение к вере.

Только через двадцать лет после истории коммуны Салтыков определенно сказал о ней в письме к А.М. Скабичевскому от 7 февраля 1885 г. по поводу его рецензии на книгу М.С. Громеки «Последние произведения графа Л.Н. Толстого» (1884), которую «с величайшим удовольствием прочитал» в «Русских ведомостях» 6 февраля. Но Салтыков заметил, что если Толстой считает науку и искусство «баловством», то «для того, чтоб быть совсем логичным, надо и игру в верования считать *баловством*» [4: т. 20, с. 137, 138]. Защищая свое мнение о «жизненности новой веры гр. Л.Н. Толстого», Скабичевский в ответном (не сохранившемся) письме ссылаясь на знаменскую коммуну. Салтыков отвечал 9 февраля: «Мне кажется, что, привлекая пример Слепцова и его коммуны, вы только запутываете вопрос самым неожиданным образом. Это дело было совершенно ребяческое, так что, по моему мнению, об нем лучше всего позабыть» [4: т. 20, с. 139]. Знаменская коммуна для Салтыкова — дело «совершенно ребяческое». Для самого Слепцова коммуна была первым важным шагом в деле его жизни. После ее распада он организовал научно-популярные лекции для женщин, основал и редактировал журнал «Женский вестник» (1866–1868), оказывал помощь ассоциациям переплетчиц и переводчиц. Социальная активность была главной чертой личности Слепцова [8: с. 99–107].

Сам Слепцов прекрасно понимал это и в фельетоне «Скромные упражнения» (1865) описал «людей, которые, что называется, и дела не делают, и от дела не бегают, а так как-то путаются; в одно и то же время они и заняты как будто, и ничем не заняты, и как будто дело делают, а сами все подумывают: что бы такое сделать?» Все эти люди «заняты вовсе не тем, что им нужно»: «желания тянут их в одну сторону, а занятие в другую» [5: т. 2, с. 349]. Слепцов пишет как будто о самом себе: по натуре общественный деятель, он вынужден был зарабатывать на жизнь литературным трудом. И хотя писательство как таковое не было ему вовсе чуждо, но тянуло его совсем в иную сторону.

Отношения Слепцова с его старшими коллегами приобрело конфликтный характер в 1865–1866 гг., в последний период издания журнала «Современник». В 1869 г., когда Некрасов уже взял в свои руки «Отечественные записки» и отказался от сотрудничества с М.А. Антоновичем и Ю.Г. Жуковским, последние выступили с полемическими статьями против Некрасова. Антонович в «Литературном объяснении с Н.А. Некрасовым» сообщал: «Г. Слепцов, известный сочинитель мелких рассказов, стал подбивать нас <М.А. Антоновича, Ю.Г. Жуковского, Г.З. Елисеева> на стачку и бунт против Вас; помните, как Вы некогда подбивали Белинского против г. Краевского; он стал объяснять нам, что мы должны предъявить Вам большие претензии и требования доли, что Вам уже слишком хорошо от журнала и т. д. Мне было бы весьма неприятно, если бы моя откровенность повредила г. Слепцову в Ваших глазах. Поэтому прошу Вас, Николай Алексеевич, простите ему этот старый грешок, как теперь г. Краевский простил Вам; я думаю, он достаточно искупил его своею покорностью Вам; я надеюсь, что он теперь не станет больше подбивать сотрудников “Отечественных записок” ни против Вас, ни против г. Краевского. Эти и подобные внушения г. Слепцова, как некогда внушения райского змия, смутили наивную доверчивость и беспритязательную услужливость наших душ. Мы стали роптать на Вас сначала “исподтишка”, точь-в-точь как некогда Белинский, Панаев, Вы и весь ваш кружок роптали на г. Краевского. Потом наш ропот осмелился пойти и до Вас». А далее Антонович еще раз упоминает «размолвки между нами и Вами, происходившие вследствие подстрекательств г. Слепцова» [1: с. 32–34; ср.: 7: с. 226; 14: с. 568]. Мы привели все эпизоды из памфлета Антоновича, которые касаются Слепцова. Только с учетом их можно представить остроту конфликта в «Современнике» между «отцами» и «детьми», который имел, без сомнения, политический характер. «Отцы» как люди слова были радикальны в своих сочинениях. «Дети» же требовали, чтобы социальная практика «отцов» соответствовала их идейным убеждениям.

Салтыков в рецензии на книгу Антоновича и Жуковского критиковал Антоновича за то, что тот «с удивительно развязностью повествует, какой разговор имели с ним когда-то гг. Елисеев и Слепцов. Нет спора: это действительно полемический прием, довольно близко подходящий к “маневру”,

но спрашивается: <...> затем ли гг. Елисеев и Слепцов разговаривали с вами, чтобы вы их подлавливали и предавали слова их тиснению?» [4: т. 9, с. 334]. Но Салтыков и Слепцов не опровергают слова Антоновича, что Слепцов был недоволен журнальной политикой Некрасова и чуть ли не планировал отобрать у него «Современник».

В 1867 г. был создан журнал «Женский вестник», и Слепцов начал вести в нем хронику «Новости петербургской жизни. Скромные заметки». В июньском фельетоне Слепцов напоминал о рубеже 1850–1860-х гг.: «Но наступило такое время, <...> когда вице-губернаторы стали носить ринсе-пех и говорить по поводу всякого случая умные речи...» [10: с. 246]. И далее: «Все мы там будем!.. Но всё же нельзя не проводить напутствием в ту страну, откуда выходят только в околоточные надзиратели и <в> солидные журналисты.

О, не распекайте, не распекайте меня!.. Мне будет больно от ваших острот, у меня перевернется сердце, и я, быть может, не получу места...

О, не будьте строгим вице-губернатором! Позвольте женщине писать и употреблять, если вздумается, выражение “на какого рожна” и носить или не носить кринолины...» [10: с. 247].

Эти упоминания о «вице-губернаторе» метят в Салтыкова. К Салтыкову, известному остро слову, относится и фраза «Мне будет больно от ваших острот». К нему же относится фраза «Все мы там будем!..», которую М.Л. Семанова опознала как цитату из хроники Салтыкова «Наша общественная жизнь», от 21 января 1864 г. [10: с. 214], где есть следующий эпизод:

— Но послушайте, ведь вы рассуждаете уже слишком приблизительно к «Русскому вестнику»!

Я надеялся сразить и устыдить его этим аргументом, но, к величайшему моему изумлению, он не только не устыдился, но хлопнул меня по плечу и, вздохнувши (увы! последний призрак исчезающей стыдливости!), сказал:

— Э, батюшка! все там будем!

И по-моему, он сказал вещь совершенно резонную. Но и я сказал вещь не менее резонную, когда утверждал, что нигилисты суть не что иное, как титулярные советники в нераскаянном виде, а титулярные советники суть раскаявшиеся нигилисты...

Все там будем! [4: т. 6, с. 234].

В.А. Зайцев в статье «Глуповцы, попавшие в “Современник”» (1864) адресовал эти слова Салтыкова ему самому. Приведя их, он писал, адресуясь Салтыкову: «Еще кто будет или нет, а вы ведь уж давно там» [3: с. 36; ср.: 13: с. 645]. Радикал Зайцев агрессивен, но руководствуется сугубо идеологическими мотивами. Слепцов настроен менее агрессивно, но адресуя Салтыкову слова «Все там будем!», он вспоминает прежние обиды. В редакции «Современника», а потом и «Отечественных записок» при старших Некрасове и Салтыкове Слепцов чувствовал себя не вполне уютно, на вторых ролях, его публицистическая активность была невысока.

Библиографический список

Источники

1. Материалы для характеристики современной русской литературы / М.А. Антонович, Ю.Г. Жуковский. СПб.: [Тип. А.М. Котомина], 1869. 197 с.
2. Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. и писем: в 15 т. Т. 15 (2). СПб.: Наука, 2000. 640 с.
3. Русское слово. 1864. № 2. 160 + 105 с.
4. Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч.: в 20 т. М.: Худ. лит., 1965–1977.
5. Слепцов В.А. Соч.: в 2 т. Т. 2. / подгот. текста и коммент. К. Чуковского. М.: ГИХЛ, 1957. 420 с.
6. Фет А. Мои воспоминания. М.: Тип. А.И. Мамонтова и К°, 1890. Ч. 1. 452 с.
7. Шестидесятые годы: Антонович М.А. Воспоминания. Елисеев Г.З. Воспоминания / вступит. ст., коммент. и ред. В. Евгеньева-Максимова и Г.Ф. Тизенгаузена. М.; Л.: Academia, 1933. 582 с.

Литература

8. Брумфилд Уильям К. Социальный проект в русской литературе XIX века. М.: Три квадрата, 2009. 271 с.
9. Иванов Г.В. Примечания // Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч.: в 20 т. Т. 15-2. М.: Худ. лит., 1973. С. 300–310.
10. Лит. наследство. М.: Изд-во АН СССР, 1963. Т. 71. С. 495–512.
11. Макашин С. Салтыков-Щедрин. Середина пути. 1860-е – 1870-е годы: Биография. М.: Худ. лит., 1984. 575 с.
12. Печерская Т.И. Разночинцы шестидесятых годов XIX века. Феномен самосознания в аспекте филологической герменевтики (мемуары, дневники, письма, беллетристика). Новосибирск: Ин-т филологии СО РАН, 1999. 300 с.
13. Рейфман П.С. Примечания // Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч.: в 20 т. Т. 6. М.: Худ. лит., 1968. С. 637–650.
14. Рейфман П.С. Примечания // Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч.: в 20 т. М.: Худ. лит., 1970. Т. 9. С. 564–568.
15. Розанов В.В. Соч. М.: Сов. Россия, 1990. 589 с.
16. Чуковский К. В.А. Слепцов, его жизнь и творчество // Слепцов В.А. Соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Худ. лит., 1957. С. 3–39.

References

Istochniki

1. Materialy' dlya kharakteristiki sovremennoj russkoj literatury' / M.A. Antonovich, Yu.G. Zhukovskij. SPb.: [Tip. A.M. Kotomina], 1869. 197 s.
2. Nekrasov N.A. Poln. sobr. soch. i pisem: v 15 t. T. 15 (2). SPb.: Nauka, 2000. 640 s.
3. Russkoe slovo. 1864. № 2. 160 + 105 s.
4. Salty'kov-Shhedrin M.E. Sobr. soch.: v 20 t. M.: Xud. lit., 1965–1977.
5. Slepcev V.A. Soch.: v 2 t. T. 2. / podgot. teksta i komment. K. Chukovskogo. M.: GIXL, 1957. 420 s.
6. Fet A. Moi vospominaniya. M.: Tip. A.I. Mamontova i K°, 1890. Ch. 1. 452 s.
7. Shestidesyaty'e gody': Antonovich M.A. Vospominaniya. Eliseev G.Z. Vospominaniya / vstupit. st., komment. i red. V. Evgeneva-Maksimova i G.F. Tizengauzena. M.; L.: Akademia, 1933. 582 s.

Literatura

8. *Brumfeld Uil'yam K.* Socialny'j proekt v russoj literature XIX veka. M.: Tri kvadrata, 2009. 271 s.
9. *Ivanov G.V.* Primechaniya // Salty'kov-Shhedrin M.E. Sobr. soch.: v 20 t. T. 15-2. M.: Xud. lit., 1973. S. 300–310.
10. Lit. nasledstvo. T. 71. M.: Izd-vo AN SSSR, 1963. S. 495–512.
11. *Makashin S.* Salty'kov-Shhedrin. Seredina puti. 1860-e – 1870-e gody': Biografiya. M.: Xud. lit., 1984. 575 s.
12. *Pecherskaya T.I.* Raznochincy' shestidesyaty'x godov XIX veka. Fenomen samosoznaniya v aspekte filologicheskoy germenevtiki (memuary', dnevniki, pis'ma, belletristika). Novosibirsk: In-t filologii SO RAN, 1999. 300 s.
13. *Rejzman P.S.* Primechaniya // Salty'kov-Shhedrin M.E. Sobr. soch.: v 20 t. T. 6. M.: Xud. lit., 1968. S. 637–650.
14. *Rejzman P.S.* Primechaniya // Salty'kov-Shhedrin M.E. Sobr. soch.: v 20 t. T. 9. M.: Xud. lit., 1970. S. 564–568.
15. *Rozanov V.V.* Soch. M.: Sov. Rossiya, 1990. 589 s.
16. *Chukovskij K. V.A.* Slepcov, ego zhizn' i tvorchestvo // Slepcov V.A. Soch.: v 2 t. T. 1. M.: Xud. lit., 1957. S. 3–39.

M.V. Stroganov

Two Feuilletonists: Saltykov and Sleptsov

The paper dwells upon complicated relations between Mikhail Saltykov-Schedrin and Vasily Sleptsov. Saltykov as a man of 1840s was a man of his word, but Sleptsov in his turn as a man of 1860s was a man of action. After Sleptsov had come to believe in a certain doctrine, he wanted to realize it. Saltykov admitted social changes based only on the evolution of social consciousness. The «fathers» as men of action were radical in their writings. The «children» called for agreement of social practice and ideological views.

Keywords: Mikhail Saltykov-Shchedrin; Vasily Sleptsov; literary generation; social practice; literary magazine.